

мая 2014-го года на Донбассе прошел референдум, по результатам которого власти самопровозглашенных ДНР и ЛНР объявили о суверенитете, отказавшись жить в государстве с пробандеровским режимом, обреченным на экономическое, политическое и моральное банкротство. Последовавшая вслед за этим кровавая агрессия со стороны Украины выбор народа Донбасса не поколебала.

Как показало время, выбор этот был не только политическим, но и культурным, духовным, нравственным, ментальным. Вышедший только что в Луганске почти 700-страничный альманах Союза писателей ЛНР «Выбор Донбасса» заявляет об этом более чем красноречиво. Он является, как говорится в аннотации к изданию, художественным свидетельством «глубинной подвижки в сторону единства русского народа, устремленного к миру, творческому созиданию и счастью людей».

Слово «счастье» на страницах книги, может быть, одно из наиболее часто встречающихся.

Выбор Донбасса: Литература народных республик / Руковод. проекта Г.Л. Бобров. — Луганск: Большой Донбасс, 2017. — 672 с. — (Союз писателей ЛНР)

Союз писателей ЛНР

Выбор Донбасса

ЛИТЕРАТУРА НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК



Луганск
2017

Но что считают для себя счастьем люди, живущие здесь, где «забытая Богом земля. И бесплодные поля, где под небом лежат нерожденные сыновья», где «...помереть необходимо бывает, чтоб себя не потерять»? Хорошо написала об этом Анна Ревякина: для нее счастье — это тот час, когда «они встретятся — отец и дочь — натянут сетку для бадминтона», и у них «не будет другого занятия, кроме счастья».

Представленные в книге стихи, проза, драматургия переполнены стилистикой военного быта. Вот, к примеру, строки из стихотворения Анны Долгаревой:

Здесь земля отверженных,
нам уже от нее не деться,
ветер степной пахнет смертью, мятой и медом.
Мы пьем за любовь, за правду,
за счастливое детство,
пьем, не чокаясь, из гильз от гранатомета.

Наверное, нам, живущим в мире, трудно понять, что женщина, пишущая стихи о любви, может сегодня использовать образы войны, как использует их, например, луганчанка Елена Заславская:

Счастье мое великое!
Чудо мое ты, чудище,
Любящее и нежащее,
Спрячусь в твои я ручищи,
Словно в бомбоубежище,
Спрячусь от взрывов отчаянья,
Ужасов одиночества...

Здесь даже стихи пишутся потому, что они — «как от зла редут», что каратели могут расправиться с человеком, но со стихами — никогда: «...уничтожить ни за что нельзя того, что было выстрадано сердцем!» (Виктор Полупан).

«Пепел Донбасса стучит в мое сердце!» — восклицает Иван Нечипорук, перефразировав известную фразу Шарля де Костера, и убежденно говорит: «Мы не вернемся к тебе, Украина!»

А разве возможно вернуться... в никуда? Именно такой видит современную Украину, погрузившуюся то ли в безвременье, то ли в средневековье, Виктор Куллэ:

Слишком жадным и глупым
не понять никогда:
путь к свободе по трупам
ведет в никуда.

Как бы вторя ему, Александр Курапцев считает приговоренной к гибели страну, где нет места свободной мысли и мнению, которое противоречит официальной линии:

...нет, ни за что не смолкнет сволочь,
в башку вколачивая текст.
Так, потерявшись в настоящем,
ополоумевши сполна,
играет в говорящий ящик
приговоренная страна.

Фашистскую сущность тех, на кого равняется сегодняшняя Украина, подчеркивает стихотворение известного украинского поэта Василя Симоненко в переводе на русский, выполненном Виктором Куллэ (здесь же, рядом, стихотворение публикуется и на языке оригинала):

Я встретил вас в годину лютой боли,
Когда пожаров языки взвились
До звезд, и люди глохли поневоле
От самолетов, вспарывавших высь.
Тогда-то вас и окрестили псами:
За страсть лизать хозяевам сапог,
За «Ще не вмерла...» хрипылыми басами,
За «хайль» и взлет руки наискосок.

Те, у кого «смерть за спиной стоит с холодным взглядом и смотрится в разбитое окно», у кого «и дочке будет пять, а сыну — девять отныне до скончания времен» (Александр Савенков), иногда еще называют Украину «своей страной». Но лишь в том контексте, в каком пишет о ней Екатерина Ромащук:

Свою страну всем сердцем ненавижу,
Где люди к бедам слепы и глухи.
Не страшно умирать. Страшнее выжить
Калекой без руки или ноги.

Но большинство авторов отчетливо ощущают себя частью русского мира. Уже упомянутая выше Анна Долгарева выражает это ощущение такими поэтически-ми строчками:

...все цари да чиновники тенью пройдут,
ну а мы-то навеки останемся тут,
от курильских морей до донбасских степей
в эту землю вырастаем и останемся в ней.

Сохранение себя в качестве русского человека каждому из них приходится оплачивать невероятно высокой ценой. Той, о которой Марк Некрасовский говорит обыденно просто и в то же время трагически достоверно:

Это чьи, ребята, ноги?
Без сомненья, это Томка.
После взрыва на дороге
Только ноги и воронка.

А Елена Заславская пишет об этой цене, казалось бы, более возвышенно, но не менее трагично:

Близко, черно и бездонно.
И падают звезды.
Кому на погоны.
А нам на погосты.

И все-таки в страшных условиях войны люди не потеряли способность сострадать. Показательно в этом смысле сюжетное стихотворение Григория Егоркина «Сонечко» («Солнышко»). Ополченец кинул в свой «сидор» нехитрый трофей — айфон убитого врага — бойца АТО: «Мертвый на войне гаджетов не имеет». И вдруг телефон бренькнул:

«Сонечко мое!» —
Из контактов строчка.
И тебя одна
Мысль берет на мушку:

Дочь звонит? Жена?
Лапушка-подружка?
Закуси губу,
Драная пехота.
Даже взяв трубу,
Разве скажешь что-то?

В этом «разве скажешь что-то?» — и глубина мысли, и понимание того, что сочувствие к человеческой боли является непреходящим, не подверженным переменам свойством русской души.

Талантливо и эмоционально сказано о том же самом в стихотворении Юрия Беридзе «Побелите хатку», в котором обманутый и убитый сельский хлопец обращается к своей матери:

Я капля крови в желтом поле,
блакитно небо надо мной,
и ни над чем уже не волен
я, бестелесный и немой...
Теперь я семя и овамю,
и мне легко, как во хмелю...
Вы побелите хатку, мамю,
бо я уже не побелю...

В прозаическом разделе книги выделяется своей трогательностью рассказ Николая Иванова «Свете тихий», посвященный последнему ветерану Великой Отечественной войны. Очерки-исследования Алексея Ивакина «Донецкий исход 1918 года», Владимира Спектора «Имя им — «Молодая гвардия» привлекают внимание читателя к урокам прошлого, незнание которого «искажает настоящее и угрожает будущему».

Но основная часть прозы обращена в сегодняшний день, к войне, к которой «привыкнуть противоестественно, жажда выживания пробивается в нас сквозь изрезанные осколками поры на коже» (Ирина Бауэр).

Военные будни суровы. Серега из рассказа Ирины Горбань, который «от матери на войну сбежал», успел сделать здесь только две папиросных затяжки: «У снайперов негласное правило есть: увидел огонек сигареты — прицелился. Повторился огонек — стреляй. Не промажешь. Любители покурить со второй затяжки падают подкошенные на землю».

Для нынешней Украины Донбасс — это города, поселки, шахты, уголь, поля... Но только не люди. Иные украинские политики уже открыто ведут речь о постепенном освобождении этого региона от людей. Герой рассказа Ивана Донецкого «Донецкий реквием», размышляя о том, почему он взялся за оружие, вспоминает: «Они любили меня. Я любил их. А украинский солдат их уничтожил. Убил, как животных на живодерне. Оставил на кровати ее окровавленное тело без ног, засыпанное штукатуркой и обломками кирпича... Рядом, в проходе, между стеной и кроватью, под выбитой оконной рамой — тело дочери с оторванной правой рукой и кровавым месивом вместо лица и головы...»

Я видел это. И пережил. Не повесился, не застрелился, не сошел с ума...
Теперь живу ради зарубок. Мне нравятся гладить их пальцами. Я украшу ими весь приклад. Уверен, что они видят меня и одобряют...»

А разве возможно не содрогнуться от картины, нарисованной пером Геннадия Дубового в рассказе «Увертюра к плачу кукол»? В песочницу, в которой играла «рыженькая девочка лет четырех-пяти», упал снаряд. Осталась только косичка да дымящаяся глубокая воронка. Девочку похоронили. Но откуда же раздается «неживой, пискляво-скрипучий голос: «Здравствуй, как тебя зовут? Давай играть! Здравствуй...» Оказывается, это Настя — кукла убитой девочки. Одну положили

с нею в гроб, а вторую сюда, на передовой рубеж, принесла волонтер Людмила, позывной — Дед Мороз. Прикрепила вместе с иконами Пресвятой Троицы и Георгия Победоносца проволокой с наружной стороны блокпоста. Часто по ночам под ветром проволока терлась об арматуру, странно поскрипывала, и, казалось, Настя плачет. А когда ветер усиливался, кукла раскачивалась, билась о бетон за тылком, включался механизм, и наши, и вражеские бойцы в полусне слышали неживой пискляво-радостный голосок: «Здравствуй! Как тебя зовут? Давай играть!..»

Герой рассказа Андрея Кокоулина «Покаяние», представляя себе Украину страной-монстром, где «все говорят на русском и его же запрещают», где людям даже осознания происходящего «хочется на халяву», делает вывод: «Какое уютное безумие — быть украинцем. Никому не должен, но все, по гроб жизни...» Словом, все должны ей, Украине!

Телефонный разговор из этого же рассказа:

«— Мама, это Леша. Как ты?»

— Я — хорошо, — несколько отстранено сказала мать. — А ты где?»

— Я в командировке, на Донбассе.

Телицкому приходилось кричать, он почти физически ощущал, как слова прорываются сквозь расстояние.

— Где?»

— В командировке! Под Донецком!

— Убивай их, — сказала вдрызг мать. — Они не достойны... Это другие люди...»

Недавно в одной из телепрограмм Первого канала услышал мнение зрителя: мол, мамы детей, воюющих в АТО, переживают за то, что у сыновей старые бронежилеты и старые автоматы, а мамы Донбасса переживают за своих детей. Чувствуете эту чудовищную разницу? Ее и заметил писатель в своем рассказе — в жесткой, но справедливой форме. Вероятно, так бывает не всегда и не везде. Но уже одно то, что бывает, позволяет оценить выбор и трагедию Донбасса не как локальное противоборство, а как часть вселенского противостояния между Добром и Злом.

«...нельзя бежать от войны, если она сама пришла к тебе в дом, — пишет Вениамин Углев в рассказе «Апогей страха». — И вообще, где мы сможем лучше узнать людей, кроме как на войне? А самого себя — где? Только там, где жизнь вплотную граничит со смертью, а смерть — иногда возвращает жизнь. Там, где добро и зло — самые непомерные, неизмеримые, достигающие самых недюжинных высот инстанции. Там, где зло — это бездна, а добро — мягкое солнце в теплом небе».

Среди драматургических произведений альманаха выделяется киносценарий Юрия Юрченко «Свидетель». В основе его сюжета — реальные события, происшедшие на Юго-Востоке Украины летом и осенью 2014 года. Автор живет во Франции. Приехав на Донбасс, он вступил в Народное ополчение ДНР. Из осажденного Славянска слал в средства массовой информации свои репортажи о боях с карателями. Попав под Иловайском в плен, подвергся пыткам и истязаниям. Был обменян на четверых офицеров из украинского батальона «Донбасс». Истории, подобные той, что рассказывает одна из героинь его произведения, он слышал, вероятно, сотни раз: «Когда приехала, я, если честно, не очень еще соображала, что здесь происходит... Но тут, в Славянске, я увидела девочку лет четырех — в песочнице играла. Я ей: «Молодец, хороший домик построила». А она посмотрела на меня и говорит: «Это не домик. Это — бомбоубежище». И вот тогда я поняла, что я здесь уже до конца...»

Власти Украины и некоторая часть украинского общества покрыли себя позором своим отношением к Великой Отечественной войне. В связи с этим представ-

ляется актуальным опубликованный в книге сценарий Глеба Боброва «Миронова проба», поднимающий вопросы воспитания молодежи, преемственности поколений, бережного отношения к истории.

«Сегодня жизнь людей Донбасса — настоящая трагедия. Замороженный конфликт на словах и в Минских соглашениях, а у них каждый день стреляют. И каждый день может стать для кого-то последним. Но это наши, русские, люди. Люди одного со мной языка, одной культуры и одного ментального выбора», — говорит Артем Шейнин — писатель, ветеран-афганец, телеведущий Первого канала и один из тех, при чьем содействии книга вышла в свет.

Достоинная книга. Она свидетельствует: музы Донбасса не молчат. В дни, когда «наступило не только время мародеров и карателей, но и время стукачей» (Александр Сурнин), они сражаются вместе с народом за правду, за справедливость, впитав, как и он, своей кожей боль, горе и надежды этой многострадальной земли.

